

Принцесса

Лиза всегда знала, что в жизни ее случится какое-то волшебство, чудо, которое сразу же сделает ее невообразимо счастливой и прекрасной. Принц там, или главная роль в популярном кинофильме. Лучше бы принц, потому что с ним все более-менее ясно. А в кино – это же еще уметь надо.

Впрочем, можно и кино. Главное, что с этого момента Лиза будет становиться все счастливее и счастливее, пока счастье не зашкалит до такой степени, что останется только кричать от восторга.

Лиза изо всех сил старалась помочь сказке, хорошо училась, много читала – не может же принцесса быть глупой, в самом деле, танцевала – на праздничном балу нужно будет танцевать, причем танцевать лучше всех, она рисовала, пела, играла на пианино, шила себе платья с пышными подолами. И вся она будто состояла из этого ожидания – ловила его в пении птиц за окном в запахе

весеннего ветра, в том, что одноклассники снова дерутся за право пригласить ее на танец, а трудовик вздрагивает и отворачивается, когда она, покачивая бедрами, проплывает мимо него. Все будет, все еще будет.

Он появится сам собой, из воздуха. Человек без прошлого, смуглый, решительный. От него будет пахнуть опасностью, и от его жесткого взгляда разбегутся все бродячие собаки. Руки его с длинными тонкими пальцами, будут сжимать клинок, острый как лезвие отцовской бритвы. И все женщины в городе, от девочек до старух, в один момент сойдут с ума от его испанской бородки. Он подхватит ее на руки и закружит в страстном танго, над улицами, домами и реками – до самой церкви, где уже соберется весь городок.

Ради этого стоило ждать. Лиза и не торопилась. Старательно закончила школу, из жалости подарив трудовику на выпускном легкий поцелуй в висок. Со временем, правда, ждать становилось все труднее. Наверное, из-за магазина через дорогу, куда она устроилась на лето. Чтобы уложить волосы и накраситься, приходилось подниматься в шесть. От этого под глазами появлялись круги, да и капроновые колготки постоянно цеплялись за деревянные лотки для хлеба, которые Лизе приходилось тягать в одиночку.

За лето поняв, что в Золушку она уже наигралась, а принц пока задерживается, Лиза поступила в училище – на бухгалтера, и вскоре стала заведующей, причем не в этом крохотном продуктовом, а в огромном универсаме на площади. Теперь Лиза могла приходить на работу к обеду, заполнять бумаги и шить себе платья у лучшей портнихи в городке – та родила недавно смешную пухлую Светку и охотно брала заказы.

Уже окончательно устав ждать и отчаявшись, Лиза, наконец, встретила его. Он был смугл, высок, красив и от него пахло опасностью. Говорили, что он убил кого-то, кого-то порезал, а кого-то простил. Он носил с собой нож-

бабочку, что и решило исход дела. Мать рвала на себе волосы, отец запретил Лизе выходить из дома, однако к всеобщему удивлению, принц решил жениться. Правда, не в церкви – вера не та. Да и не сейчас - подельников пока не выпустили, потому денег и нет, но все еще будет, конечно. И так, чтобы весь городок позвать, в самом большом ресторане, а может, и вовсе, на центральной площади летом.

Лиза ждала, сколько могла. Уже и сына от него родила, и в первый класс отправила, и день за днем в магазине, а счастья все нет.

Как-то утром, Лиза внезапно обнаружила у себя первый седой волос и запаниковала. Жизнь-то проходит, а счастье где? Принц, конечно, попытался успокоить, но Лиза уперлась – свадьбу. На весь городок. На центральной площади. И денег она найдет. Взаймы возьмет. В кассе. Никто даже не узнает.

Со свадьбой, правда, они не успели. Отсидев положенное, Лиза, слегка повредившаяся умом, дома своего принца не обнаружила. Быстро решив, что принц был не тот, она снова влюбилась. Новый принц был куда колоритнее прежнего. Он практически не знал русского, а тело его покрывали бесчисленные шрамы. Она прижималась к нему теплыми ночами и мурлыкала, что она все поняла, что нужно было еще немного подождать, и вот теперь, теперь уже непременно...

И опять ничего. Снова продуктовый через дорогу, шесть утра и лотки из-под хлеба. Впрочем, если выпить немного, ждать становилось веселее. И еще веселее. И еще. Она танцевала на балах, она рисовала прекрасные полотна, она пела и аккомпанировала себе на фортепиано, она была настолько прекрасна, что принцы из окрестных королевств съезжались посмотреть на нее, а простолюдины падали в обморок, случайно заметив ее.

В реальности же... Впрочем, для самой Лизы другой реальности не было.

Сынок

Сначала он подумал, что это потому, что она в тельняшке. Он тоже был в тельняшке – так, чтобы не особенно заморачиваться. Вроде как и полноценный костюм для корпоратива, и продается в каждом переходе метро. Все остальные или взяли напрокат, или пришли в обычном. А они в тельняшках. И проходя мимо него по лестнице, она вдруг на мгновение прищурилась – даже не улыбка, а так, промелькнувшая на мгновение хитринка. И он зацепился почему-то. Не смог промолчать:

- Нас мало, - сказал он многозначительно, и ждал, что она сейчас непременно договорит фразу, про то, что мы в тельняшках, а она только кивнула весомо, вроде как: «да».

И ходил курить в тот вечер на лестницу, только когда слышал, как она идет по коридору. Надвигающаяся издали лавина хохота. И почему они так хохотали? Через пару перекуров с полупрозрачной девочкой, которую он прихватывал с собой для прикрытия, он уже знал, в каком она работает отделе, и кто она по должности. А как подойти не знал. Странно было ощущать в себе внезапно образовавшуюся робость. Даже не робость, а недоумение. Чего сказать-то? Она и здоровалась как-то особенно. Люди как обычно: «Привет - привет», «Здравствуйте - Здравствуйте». А некоторые наоборот, стремятся сказать «привет», если им сказали «здравствуй». Или есть еще чудачки, которые какое-нибудь особенное говорят, вроде «День добрый!» или «Приветик!». А она кивала и говорила: «Да». Вроде как: «Полностью с вами согласна, действительно, «здравствуйте».

И что-то в этом было от старшей сестры, горячо любимой, близкой по-настоящему, и немного от мамы. С мамой было сложно. Сестра постоянно скандалила с ней, выгоняла ее очередных собутыльников, защищала от них Сашечку, который очень хотел тоже ее защитить, но не мог. Мама так страшно на него смотрела, что он робел. И только с тоской посматривал на сестру. Когда сестра

подросла, мама устроила ее в магазин, а Сашу сплвила в пионерлагерь. На все лето.

В первый же день Сашка увязался за самой красивой девочкой, погулял с ней по лесу, а ночью ему устроили темную. В ужасе Сашка позвонил сестре. Сестра приехала за ним к вечеру, а на следующий день они уже были у бабушки, где и остались. Сначала на лето, а потом и вовсе. Каждый раз, когда маму бросал очередной собутыльник, она приезжала к бабушке забирать Сашечку. Бабушка долго убеждала ее, что Сашечке здесь лучше, но мама не слушала. Тогда выходила сестра. Она становилась напротив матери, уперев руки в боки, и они подолгу молчали. Потом мама уходила. Как-то она пришла пьяной и попыталась прорваться через сестру в дом. Они подрались. Также молча. Потом мама перестала пить, ее новый мужчина Сашечку принял, и даже попытался помирить маму с сестрой, но сестра у них в гостях говорила только с женщиной. И немного с Сашечкой. Потом сестра вышла замуж, родила, и ей стало не до Сашечки. Он, впрочем, недолго тосковал – исколесил полстраны, поработал везде, где только мог, пока, наконец, не осел здесь. Вместо сестры у него теперь были Женщины. Их было много, самых разных, а он все продолжал и продолжал. Когда становилось одиноко, и к горлу подползал противный ком, он выпивал немного и шел кадрить кого-нибудь посимпатичнее. Ну или просто кого-нибудь. К тридцати он достиг такого мастерства, что клеить всех подряд стало скучно. Хотелось кого-то особенного. Например, такую вот маму – сестру в тельняшке.

На следующий день он дождался ее в курилке, и, хитро улыбаясь, присел рядом. Она тоже хитро улыбалась. И тоже молчала. Смотрели и курили.

- Голодный? – спросила она вдруг. Он кивнул и подумал, как это точно, как искренне она его почувствовала,

одинокого волка, истосковавшегося по простому человеческому теплу.

Она встала, и он пошел за ней, как щенок, радостный, и что-то говорил без конца, рассказывал, шутил. Она на все кивала, а в кабинете действительно достала контейнер из холодильника и разогрела ему еду.

- Не могу одна есть, - сказала она и протянула ему вилку.

Потом они гуляли. И с ним творилось что-то невообразимое, будто, наконец, он может сказать и сделать все, о чем всю жизнь мечтал. Он чувствовал себя таким смелым, таким большим, сильным, интересным, и одновременно защищенным. Это не мама, которая станет тебя ругать. Непременно отругает. Вообще за все. И даже не сестра, которая поржет над тобой и ласково потреплет по голове. Это что-то между. Он рассказывал ей все свои тайны, воровал для нее в магазине, перебежал гигантский проспект, чтобы нарвать тюльпанов с разделительной полосы. Потом они поехали в Питер, и он познакомил ее с сыном. И рассказал про странные отношения с матерью сына, которая родила для себя, четко объяснив, что никакой совместной жизни не будет, сына он видеть может, но иногда. И она поняла. Все поняла. И сын ей понравился, она долго показывала ему, как он на него похож, и Сашка почему-то вдруг тоже это увидел.

Она тогда была у своих, с которыми не хотела его знакомить. А Сашка, который вообще-то под предлогом встречи с сыном ехал бухать со своими «своими», почему-то в тот приезд ни с кем так и не встретился - целыми днями гулял с сыном по городу. Иногда они встречались с ней, и гуляли втроем, взявшись за руки. А на обратном пути он предложил сделать и ей ребенка. И вообще никогда больше не расставаться.

- Я замужем, - ответила она и помрачнела. И он только тогда вспомнил, что вообще-то у нее есть муж, с

которым она живет и спит в одной постели, и готовит ему завтраки.

А потом, по возвращении, они все также гуляли, пили, целовались в подъездах и примерочных, но все стало как-то иначе. Не как тогда, в поезде, когда они мчались в Питер, и не так, как было, когда он водил ее по дворам и знакомил с сыном.

Конечно, она развелась. Причем быстро. Он тогда стал приходить чаще, и гуляли они больше, а потом у нее кто-то появился. Почему-то опять не он. Он попытался было, что-то сказать про «всегда вместе» и «вторую половинку», но она вместо этого пихнула его локтем и показала на полупрозрачную девочку, которая все еще была рядом.

- Вот на ней женись. А мы с тобой слишком одинаковые.

Женился он не сразу. На очередном новогоднем корпоративе, куда она пришла в сопровождении очередного тюленя, Сашка от обиды начал ухлестывать за длинноногой девицей в мини юбке. Девица была хорошенькая и тоже не прочь, но Сашка ничего не мог с собой поделать, ему хотелось гулять и разговаривать не с ней. И еще набить рожу этому тюленю. Она, будто прочитав его мысли, улыбнулась:

- Спорим на бутылку, что ты ее сегодня не трахнешь.

Сашка усмехнулся, и через пятнадцать минут уже стягивал с девицы трусики. А трахать не стал. Так стало тоскливо и погано оттого, что он как малолетний идиот тискает девиц по углам, а сказать было некому. И он пошел к полупрозрачной девочке. Девочка ждала. Она так внимательно его слушала, так заботливо подкладывала ему еды, что через три месяца Сашка на ней женился. И через полгода со скандалом развелся. И опять пришел к Ней, к матери - сестре. Оказалось, что полупрозрачная девочка уже была у Нее. Плакала и рассказывала какую-то жуткую

историю о том, как он приволок бабу к ним домой и кувыркался с ней на диване, пока жена пыталась заснуть в спальном мешке под столом. Все было совсем не так, это жена спала на диване, а Сашка, действительно притащивший переночевать упившуюся коллегу, прилег с ней на кровать, чтобы таскать ее в туалет, когда тошнит.

- Да я знала, что ты не кувыркался, но ты все равно охренел.

Потом он пытался вернуть жену, но она быстро сошлась с каким-то папиком с работы и зажила счастливо. Когда Сашка узнал об этом, ему стало до такой степени обидно и одиноко, что он решил нажраться. Но встретил Ее в метро. Она расспросила его о работе, и он, забыв о том, что решил сегодня пить, поехал и поработал.

Потом они встретились снова. Случайно. Вчетвером. Она была все еще с этим тюленем, а Сашка с какой-то очередной девочкой, имени которой не помнил. Они так радостно обнялись, что внутри у Сашки поднялась жгучая теплая волна, и он снова почувствовал себя сильным и большим. Тюлень злился. Девочка напряглась. А они просто обрадовались друг другу.

Через много лет они встретились снова. Он посмотрел на нее, и его внезапно пронзило: «Господи, да она же никогда меня не любила!», но вслух сказал только: - Спасибо, - и крепко обнял.

А когда разошлись, он долго рассказывал жене об этой странной женщине, то ли о матери, то ли о сестре. И жена поняла. Она вообще все понимала.